

§ 4. Юрий Александрович Липкинг (1904–1983) — первооткрыватель областных древностей

*«...Я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру,
Линейкой нас не умирать учили».*

*Б. А. Пастернак,
Брюсову.*

*«Когда встретите Бродяжника, будьте
осторожны — мало ли кто может так назваться.
По-настоящему его зовут Арагорн».*

*Дж. Р. Р. Толкиен.
Хранители. I, 9.*

Одним из несомненных достижений Юрия Александровича Липкинга как археолога является оправдавшая себя попытка осветить особенно «тёмные» для древней истории Восточной Европы — VI–VII века новой эры, найти здесь памятники промежуточные, связующие между самыми ранними предположительно славянскими культурами здесь и культурами несомненно восточнославянскими. Раскопанные им с экспедицией педагогического института и краеведческого музея бескурганые могильники с трупосожжениями у хутора Княжий под Суджей и села Лебяжьего под Курском как раз и относились к искомым — «туманным» тогда для археологической науки столетиям древней истории Днепровского Левобережья.

По условной аналогии можно сказать: сам *Юрий Александрович Липкинг* своей колоритной личностью, импозантной фигурой заполнил добрую треть века, целый период курского исторического краеведения — 1950 – 1970-е годы. На протяжении всех этих лет он стал и пребывал ведущим в этой области специалистом по археологическим древностям, автором единственно доступных широкому читателю систематических обзоров первоначальных веков местного прошлого. Лучше него и до сих пор, полвека спустя, никто так и не написал о древней истории Курского края. Рискну предположить, что в обозримом будущем вряд ли кто и напишет.

А ведь все послевоенные десятилетия для исторического краеведения оставались сложными, если угодно — действительно застойными. Традиции высококвалифицированного, культурного краеведения 1910 – 1920-х гг. в итоге истребления его лучших представителей так и не восстановились в прежнем объёме даже с окончанием сталинского режима. Отдельные заинтересованные и понимающие любители старины (вроде В.И. Самсонова

или Л.Н. Познякова) в те годы делали, что могли для популяризации здешних древностей, кое-что прибавили к их изучению, но сказать в археологии нового слова не смогли. Когда же и эти «последние могикане» просвещённого краеведения из довоенных поколений, с настоящим университетским образованием мало-помалу сошли с его сцены, на всю Курскую область остался один Липкинг. Он — неповторимый уже, как видно, представитель и романтик широкого, почти энциклопедического поиска, изучения, пропаганды областных памятников древней истории и археологии.

Основные биографические сведения о Юрии Александровиче Липкинге с его собственных слов успела собрать и опубликовать Курская областная библиотека им. Н.Н. Асеева в виде «памятки читателям»¹. А личный фонд писателя в Государственном архиве Курской области содержит такую справку, написанную его дочерью Натальей: «Родился [26 декабря — С.Щ.] 1904 г. в Виннице, в семье военного. Учился в гимназии, но не окончил [её]. После революции работал грузчиком, молотобойцем, золотоискателем, лесорубом; затем стал учителем; окончил заочно пединститут в г. Орджоникидзе в 1940 г. Перед ВОВ [так в тексте — С.Щ.] работал директором школы в Новом Осколе. В 1942 г. ушёл добровольцем на фронт [до того не был призван по состоянию здоровья], был автоматчиком [автодесантной роты] мотопехоты; тяжело ранен под Сталинградом, [После излечения признан негодным к строевой службе и работал в эвакогоспитале в качестве инструктора-пропагандиста, начальника клуба; весной 1943 года снова добровольцем вернулся в действующую армию], контужен под Курском [после чего окончательно списан в запас]. С 1944 по 1951 — [по путёвке Курского обкома ВКП (б)] преподаватель географии Курского суворовского училища, затем работал в школе № 13, позже [с 1963 года штатно, ранее по совместительству] — в Курском пединституте старшим преподавателем [сначала географии и геологии с почасовой оплатой, потом истории на заочном отделении и, наконец, на отделении очном] археологии. ... Умер в 1983 г.»².

В армию его не призвали сразу после начала войны по состоянию здоровья. В мае 1942 года он пошёл на фронт добровольцем. Рядовым 194 мотострелкового батальона 245 танковой бригады воевал на Сталинградском фронте. 18 августа получил осколочное ранение бедра в бою за село Абганерово. После излечения в госпитале № 1307 Центрального фронта оставлен при нём для дальнейшей службы. Вместе с госпиталем попал под бомбёжку 17 июля 1943 года при погрузке раненых на станции Отрешково, получил тяжёлую контузию. После этого был признан негодным

¹ Александров (Липкинг). Памятка [читателям] / Сост. С. Белевцева. Курск, 1976.

² Липкинг Н.Ю. [Биографическая справка об отце] // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Д. 22. Л. 1.

к строевой службе и выведен в запас. Так Юрий Липкинг попал на курскую землю.

На первый взгляд, согласно советскому клише, — «обыкновенная биография в необыкновенное время». Как писал сам Юрий Липкинг, «в нашей стране всем открыт путь в большую науку. В частности, и в археологию»³. Казалось бы, не таков ли пройденный им самим путь батрака и старателя на золотом прииске, конторщика и учителя таёжной школы в учёные и писатели? Да и какое вообще отношение имеет событийная канва личной жизни к научным да художественным занятиям человека? Об этом можно судить по-разному, но многое в складе мыслей и чувств столь разносторонней личности останется недопонятым, несопрочувствованным нами, если ограничиться дозированной им самим и его наследниками правдой о жизни и судьбе.

Ю.А. Липкинг в 1940-е годы. Архив автора.

В 1968 году он шлёт подборку своих стихов военной тематики (явно не лучших, на мой вкус, в его литературном творчестве) К.М. Симонову с просьбой «посмотреть», а может быть, и «куда-либо рекомендовать» их. Представляясь маститому литератору, любимцу читателей и фавориту партийных вождей, тогда редактору «Нового мира», Липкинг лапидарно отмечает: «Анкетные данные? Не судим. Русский. Образование высшее. По

³ Липкинг Ю.А. О чём рассказывают курганы. Воронеж, 1966. С. 80.

специальности бродяга-археолог. Разведываю, копаю, преподаю археологию в институте»⁴.

В этих скупых строках всё так и одновременно совсем не так, как говорится, с точностью до наоборот.

Не судим? С 1930 по 1940 год будущий археолог провёл в основном в Сибири в занятиях отнюдь не академических. «Туда потянула романтика», — пояснял он впоследствии любознательным читателям. Но в душевных разговорах с приятелями у экспедиционного костра раз-другой промелькнули у него упоминания тех мест, дальше которых ему до войны «нельзя было на материк». Даже по его «Личному листку по учёту кадров»⁵ из архива Курского университета (Пединститута) видно, как именно в 1930 году Юрия оторвало от Каменца-Подольска, где жили родители. Начало трудового стажа — 1921–1925 годы юноша из семьи военного очень благоразумно для тех лет провёл рабочим в слесарно-кузнечной мастерской, подведомственной наркомату земледелия. А уже оттуда рабочие профсоюза «Металлист» выдвинули самого образованного среди них молодого человека на юридические курсы. Сдав экзамен на адвоката, Юра начал следующий этап карьеры — поработал «членом коллегии защитников» при каменец-подольском областном суде. Ну, и потом пошло носить его по разным углам Союза и местам работы: 1930–1932 годы — город Могоча, Восточно-Сибирский край (современная Читинская область), «Союззолото», юрисконсульт; 1932–1934 — посёлок Юхта там же, средняя школа, учитель истории и географии; 1934–1939 — станица Ассиновская Чечено-Ингушской АССР, завуч средней школы; 1939–1940 — опять школа, только в селе Нижнем Смородине Курской области; 1940–1942 — директор школы в городе Новом Осколе Курской области, ставшей в конце концов его второй родиной. Очень правильную тактику передвижений по государству избрал этот юноша поначалу жизни.

Так что если и не сидел он в советском концлагере, то уж по всей видимости выслан на спецпоселение «в места весьма отдалённые» оказался. В лучшем случае, сознательно бежал от тех мест, где расправлялись с его родными и вообще такими, как он. Слишком уж виктимная у него выходила по раннесоветским временам родословная. Отец — старший офицер царской армии (с 1916 года генерал-майор) Александр Ксенофонович Липкин (1862–1932). Всеведущий Интернет стараниями ценителей военной истории сообщает о нём достаточно подробную справку: уроженец Петербурга, православный, выпускник кадетского училища, ветеран русско-японской и мировой войн, кавалер орденов, включая св. Анны и св. Владимира «с мечами». Рассказы наследников археолога об их родстве подтверждаются

⁴ Липкин Ю.А. — Симонову К.М. 26. 01. 1968 // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Д. 20. Л. 17.

⁵ Архив КГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 387–387 об.

финалом жизни генерала Липкина — именно в Каменце-Подольском с 1921 года он стоял на учёте украинской ЧК как бывший «белый» офицер.

Родные братья, дяди нашего археолога, под стать брату генералу: Максим Ксенофонтович (1864 – ?) — тоже генерал-майор (1909) с похожим «бантом» орденов, завершал службу после революции судьёй нескольких военно-окружных судов; Зотий Ксенофонтович (1857–1933) — полковник, командир артиллерийской бригады, участник кампании 1877–1878 годов; Андрей Ксенофонтович — тоже офицер-артиллерист. Их сестра Евгения Ксенофонтовна Лукина.

Их отец, дед нашего героя — Максим Ксенофонтович (1818–?), тоже офицер.

Последняя буква фамилии его внука — «г» оказалась якобы добавлена непонятливым писарем при оформлении паспорта вместо устаревшего «ъ» — «ера»; эта версия, на мой взгляд, шита белыми нитками; налицо, думаю, сознательная маскировка происхождения со стороны обладателя этого паспорта. В 1914–1916 годах Липкин-старший воевал при штабе командующего 2-й армией генерала А.В. Самсонова; награждён знаком отличия Георгиевского ордена; после революции преподавал в военном училище и средней школе; скончался в 1932 году. Сведений о его участии в Гражданской войне на стороне белых я не обнаружил, так что чекисты напрасно считали его «белым офицером».

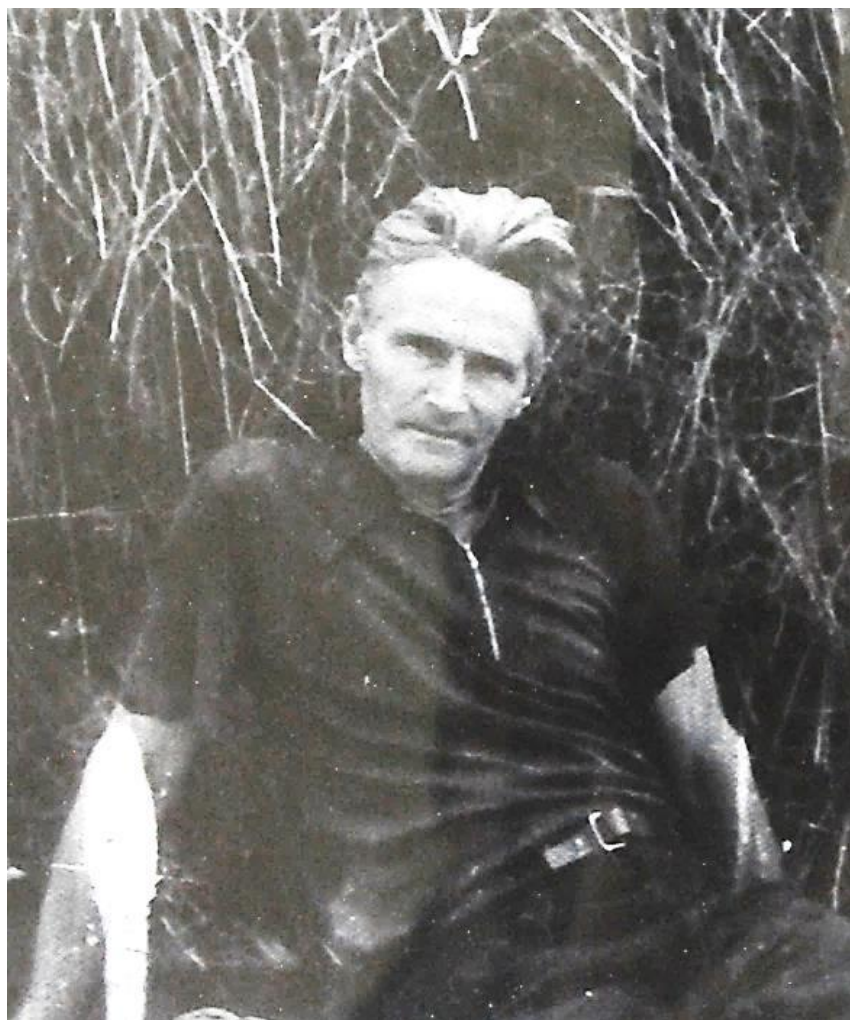
Мать Юрия Александровича — учительница, умерла в эвакуации в Ташкенте в 1942 году. Кроме Юрия, в семье было ещё четверо детей: Владимир (полковник, выпускник Академии Генерального штаба); Александр (полковник артиллерии, после поражения Белого движения вроде бы эмигрировал в Болгарию); имя третьего брата — писателя, осталось нам неизвестным; их сестра Наталья (якобы замужем за начальником Главсевморпути (?), репрессирована вслед за супругом в 1930-е годы; имея накануне ареста годовалого ребёнка, отбыла в лагере почти все отмеренные ей 25 лет)⁶.

За таких-то родственников, и без какой-то добавочной вины Юрия просто должны были на заре советской власти репрессировать, если не по судебному приговору, то согласно решению внесудебного органа — «тройки» или «особого совещания».

Надо сказать, все его сверстники, кто пережил нацистский или советский плен, крайне редко вспоминали вслух пережитое. Многие постарались навсегда замолчать, вычеркнуть из своей и чужой памяти подобный провал в своей биографии. Население СССР пребывало в убеждении, что советская власть в России навечно. Официальная реабилитация или хотя бы снятие судимости в более безопасные

⁶ Проверить эти фамильные легенды сегодня затруднительно. У тогдашнего начальника Главсевморпути знаменитого академика О.Ю. Шмидта был сын Александр, но совсем от другой женщины.

1960-е подвели под такую тайну юридическую базу. Только горбачёвская гласность развязала языки некоторых из выживших лагерников. Феномен «онемевшей в людях истории» — яркая примета социальной психологии предыдущего века. Впрочем, тюремно-лагерный опыт, как сформулировал Варлам Тихонович Шаламов, — исключительно отрицательный, так стоит ли вообще его вспоминать?

Ю.А. Липкин в разведке. 1960-е годы. Архив автора.

С реальной (большей в сталинские, меньшей в хрущевские, брежневские времена) опасностью при жизни Липкина оказывалась связана также национальность человека. Особенно педагога и научного работника, как Юрий Александрович. Русский? В общем, да — не он один, а большинство выросших и живших в РСФСР людей чувствовали себя русскими; говорили, писали и думали на русском языке. До революции главным было вероисповедание человека — такая графа имелась в тогдашних паспортах. Любой еврей мог креститься и тем самым приобрести все гражданские права великоросса, избавиться от всех ограничений для иудеев. А после революции, еврей, допустим, по отцу, русский по матери сплошь и рядом назывался и даже писался в паспорте русским. Как, например, великий драматург Евгений Львович Шварц. В конце концов,

этническая принадлежность определяется прежде всего именно самосознанием личности, а не какими-то органическими её характеристиками. А внешность у Липкинга в любом возрасте оставалась вполне мужественная, так сказать, арийская.

Симптом шовинистической эпохи: Ю.А. всячески подчеркивал свою русскость. Избрал безупречный в этом плане литературный псевдоним: «Юрий Александров» (по фамилии матери? имени отца?). Своего художественного alter ego, рассказчика археологических романов назвал Дмитрием Павловичем Русавиным (В черновиках даже Димитрием — на сторорусский манер, вошедший в дореволюционный официоз). А «настоящую» свою фамилию перевёл как-то нам, своим студентам, якобы с немецкого (идиш?): «Либер кинг — любимый король». Шутка, конечно.

По специальности своего диплома Ю.А. вовсе не археолог, а преподаватель географии, физической и экономической. Учить детей, наставлять юношество он любил и умел. Даже гордился своим умением воспитывать ненавязчиво, попутно с каким-нибудь делом или отдыхом. О школе, учителях и учениках — большая часть его оставшегося в рукописях литературного наследия. Картины нелёгких, но вроде бы счастливых будней учителей сельской школы, их романтической любви безуспешно предлагались им курской и воронежской сценам в виде «лирической пьесы в пяти картинах» — «Старые лебеди»⁷. Разросшийся цикл рассказов примерно о том же составил объёмистую рукопись «Великие романтики» — «повесть о хорошем пионерском лете», советских Томах Сойерах и их вожатых — «романтиках педагогического труда»⁸, согласно авторской аннотации. Удалось поместить в учительском журнале⁹ только одну из многих глав повести, замышлявшейся автором как начало дилогии «В великом походе».

Наряду с тёплой лирической интонацией, живыми зарисовками достаточно интимных чувств и отношений, в художественной прозе Липкинга встречаются сомнительные со стилистической и даже нравственной сторон врезки, явно чужеродные авторским гуманизму и терпимости места. Вроде навязчивого мотива задержания в курской глубинке злодеев-вредителей или же яро-атеистических выпадов против религии. Вот, например, бдительные герои-романтики одного из прозаических произведений этого автора задерживают некоего политического правонарушителя. Тот вспоминает, что «ведь существует определённый порядок, революционная, так сказать, законность.

— Все опять засмеялись.

— Видите ли, — спокойно пояснил Степан Иванович. — ... Не всегда жизнь послушно укладывается в приготовленные для неё формочки.

⁷ Александров Ю. Старые лебеди. Лирическая пьеса в 5 картинах // Там же. Св. 1. Д. 2. Пьесы 1964–1972 годов.

⁸ Александров Ю. Великие романтики (Повесть о пионерском лете) // Св. 4. Д. 20.

⁹ Воспитание школьников. 1967. № 3.

Конечно, глаже бы получилось, если бы сперва ордер на ваш арест выписали, потом культурненько бы арестовали. Что поделаешь — не так вышло»¹⁰. Как говаривала Королева из Страны чудес Льюиса Кэрролла: «Сначала казнь, а приговор потом». На «Деле» арестованного Карла Яновича Баумана, бывшего одно время секретарём Курского губкома ВКП(б), Сталин начертал: «Арестовать. Судить. Расстрелять» (сообщил мне один заслуженный чекист). Сказка в советской стране становилась былью. В этом смысле липкинговские персонажи-доносчики весьма реалистичны.

В рассказе писателя «Ветер читает письма» мать американского солдата пишет президенту: «... Я хочу жить, чтобы кричать о преступлениях тех, кто послал наших детей на убой за тысячи миль» во Вьетнам¹¹. Когда же советские войска выжигали Афганистан, героям нашего автора кричать об этом, вполне понятно, не хотелось. На страницах его школьно-педагогических рассказов по-прежнему «со стены из строгой тёмной рамы смотрит, ободряя Лену, доброе, родное лицо вождя»¹², чьё имя удобно менялось вместе с очередным генсеком.

Как бы там ни было с липкинговской педагогически-любовной беллетристикой, его литературные наклонности и способности самым лучшим образом сказались на таком особенно интересном для нашей темы жанре, как *институтские лекции по археологии*. Вот где приходится пожалеть о том, что автор не удосужился собрать и обработать для печати (хотя бы внутривузовской, малотиражной) свои и студенческие конспекты (в том числе автора этих строк за 1970–1971 учебный год) многолетних чтений.

Старшему преподавателю Липкингу удалось выстроить компактный, но удивительно ёмкий, информативный *курс введения в науку об ископаемых исторических древностях*. Он оказался понятен для самого последнего двоечника и одновременно полезен, интересен не только студенту-отличнику, но и аспиранту-гуманитарию. В этих лекциях органично сочетались основные понятия и нормы археологической методики; главные лица истории всемирной, русской и советской археологии (в особенности курского краеведения); наконец, систематический перечень выразительных портретов сменявших друг друга и соседствовавших на юго-востоке Европы археологических культур. Будучи неплохим рисовальщиком, лектор по ходу рассказа заполнял доску не только именами и датами, но и чёткими меловыми рисунками типичных археологических объектов и отдельных находок из них. Так что будущие учителя истории ещё до выезда в поле на раскопки представляли себе, как выглядят городище или курган с погребальными камерами разного типа, распространенные облики сосудов или височных колец, разные прочие реалии данного круга.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 3. Д. 12. Л. 6 об.

¹¹ Там же. Св. 1. Д. 1.

¹² Там же. Л. 75.

Под тактичным и компетентным руководством Ю.А. Липкинга десятки первых курсов истфака, многие студенты-добровольцы других факультетов Курского педагогического института прошли археологическую практику на раскопках в палаточном лагере, в знаменитых музеях Москвы (Историческом, Изящных искусств имени А.С. Пушкина, кремлёвских). «Работали и учились, — констатировал наш учитель в вузовской многотиражке. — И всё, о чём узнавали ещё в аудиториях, на лекциях, делалось зримым, осязаемым. Впервые смогли собственными руками потрогать историю»¹³.

Рабочий момент на раскопе Авдеевской палеолитической стоянки в Курской области. 1947 год. Слева направо: Марианна Давыдовна Гвоздовер, А.А. Формозов (студент исторического факультета МГУ), Ю.А. Липкинг (преподаватель суворовского училища), М.В. Воеводский (начальник Деснинской экспедиции). Архив автора.

¹³ Липкинг Ю. Охотники за прошлым // За педагогические кадры. Орган ... КГПИ. 1973. № 31. 19 октября. С. 2.
682

В этих походах и поездках наставник неизменно исповедовал сочетание строгой дисциплины при выполнении производственного плана практики с полной свободой членов коллектива во внерабочее время. Нарочито идеологизированный историко-педагогический факультет («истпед») ¹⁴ с его комсомольско-партийно-пионерскими собраниями, маршировками, линейками, речёвками и хоровыми песнопениями как бы прекращался на раскопках. Сам руководитель практики посвящал всё свободное время, включая даже многие десятиминутные перерывы на раскопе, главным образом интеллектуальным карточным играм вроде покера или «кинга». Автор этих строк проходил археологическую практику после первого курса того же истпеда в 1971 году на раскопках у села Авдеева. В первый же день был призван в командирскую палатку, где начальник нашей практики Липкинг расположился поиграть в карты. После честного признания в полной неспособности к этому занятию я был изгнан оттуда и заменён каким-то из моих сокурсников двоечников, но картёжников. А меня подобрал Эраст Алексеевич Сымонович и приставил расчищать безурновые погребения черняховцев.

Ю.А. Липкинг обеспечивал квалифицированной рабочей силой и собственным участием курские экспедиции известных советских археологов — М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, П.И. Борисковского, М.Д. Гвоздовер, О.Н. Мельниковской, Т.Н. Никольской, А.И. Пузиковой, а особенно часто А.Е. Алиховой-Воеводской и Э.А. Сымоновича. Как видно, ведущие специалисты московского Института археологии АН СССР и его ленинградского филиала в своё время на равных сотрудничали с этим скромным преподавателем при разведках и раскопках на территории «его» области.

Самостоятельные стационарные раскопки Ю.А. Липкинга сравнительно редки. Он явно не любил писать пухлых отчётов по открытым листам, допускал в них малопонятные погрешности. Исключением могут служить его достаточно методичные и масштабные работы на могильниках культуры, названной им по местам первых находок «княжинско-лебяжинской» (а на самом деле, как выяснилось позднее, колочинской). Обстоятельная статья на сей счёт занимает едва ли не центральное положение в научном наследии археолога ¹⁵. На неё до сих пор чаще всего из липкинговских публикаций ссылаются в археологической литературе. Курскому исследователю одному из первых удалось получить достоверные данные об оседлом раннеславянском населении в лесостепных областях Днепрового Левобережья в VI–VII вв. н. э. Прежде него эти «тёмные», «туманные» для историков столетия в данном регионе считались (с лёгкой руки

¹⁴ См. подробнее: *Щавелёв С.* Факультет разных вещей (Вспоминая истпед) // Городские известия. Курск. 1997. 18 марта. № 33. С. 5.

¹⁵ *Липкинг Ю.А.* Раннеславянские памятники у села Лебяжьего // Археологические открытия 1968 года. М., 1969; *Его же.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

И.И. Ляпушкина и других авторитетных изыскателей) пустым местом, кочевым царством вплоть до явных славян-роменцев. Ю.А. Липкинг же сначала добыл подъёмный материал в черте Курска и в окрестностях Суджи, схожий с известными археологам «древностями антов» именно указанного периода. А затем разведан и в 1964–1966 годах раскопал два бескурганых могильника с трупосожжениями — один на Псле, напротив хутора Княжьего, а другой на Сейме, возле села Лебяжьего. На более чем 2 000 квадратных метрах этих некрополей им оказалось зафиксировано более 100 погребений (считая парные). Керамика и инвентарь многих захоронений позволили первооткрывателю провести убедительные параллели с синхронными памятниками Верхнего Поднепровья и, особенно, Подесенья, получивших позднее общепринятое название колочинских.

Однако до полного описания и, главное, дальнейшего анализа всего материала своих суджанских раскопок у самого Ю.А. Липкинга руки так и не дошли. Полевые дневники, чертежи и коллекции, долго, до последних месяцев жизни остававшиеся на руках у этого археолога, оказались затем переданы в Курский областной краеведческий музей. Часть вещей из раскопанных им комплексов и документов по ним не сохранилась, и восстановить их не удалось. На основе музеефицированного фонда Лебяжьего–I и Княжьего основатель и научный сотрудник этого музея Николай Александрович Тихомиров заново изучил все оставленные своим предшественником материалы, сопоставил их с новейшими археологическими работами по культурам Днепровского Левобережья I тыс. н. э. Недавно эти же керамические материалы специально переисследовала Ирина Владимировна Зиньковская (Воронеж). По вещам, и особенно керамике, им удалось определить колочинскую принадлежность обоих кладбищ, их связи с предшествующей черняховской, синхронной пеньковской и последующими волынцевской, роменской культурами. В итоге подтвердилось, что открытые Ю.А. Липкингом могильники «являются наиболее полными памятниками Юго-Восточной Европы, дающими представление о погребальном обряде местных племён третьей четверти I тыс. н. э.»¹⁶. Заключение о действительно славянской, скорее всего, принадлежности «княжинцев–лебяжинцев» порадовало бы «неославнофила» Липкинга.

Поселение, синхронное Княжинскому некрополю, было разведано и в 1995–1997 годах раскапывалось выпускником исторического факультета

¹⁶ Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. научных трудов. Под ред. Р.В. Терпиловского. Курск, 1990. С. 79.

См. также последующий анализ тех же вещевых комплексов: Зиньковская И.В. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Карамышевский // Вопросы истории славян. Вып. 12. Археология. Этнография. Воронеж, 1998; *Её же*. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 1999; *Её же*. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 2000.

Курского педагогического института Н.А. Тихомировым, создавшим к тому времени Курский государственный областной музей археологии. И липкинговские, и последующие материалы упомянутых памятников используются в обобщающих исследованиях раннеславянских культур европейской лесостепи, увидевших свет за последние годы¹⁷.

Склонность к циклам, дилогиям да трилогиям сказалась не только на художественной, но и на научной работе Юрия Александровича. Его вторая по счёту из помещённых в центральных академических изданиях статья посвящена выше упоминавшейся Замошанской дюне — памятнику, расположенному по соседству с Княжинским могильником, у села Казачьей Локни на окраине городка Суджи. Здесь Липкинг в 1963 году раскопал остатки распаханного и выветренного кладбища и установил наличие рядом поселения черняховского типа, с подстилающим слоем эпохи бронзы и раннеколочинским наслоением¹⁸.

Идефикс Липкинга-археолога — преемственность между столь высокой, латиноидной культурой, как черняховская, и последующими, уже явно славянскими культурами Днепровского Левобережья как будто подтверждается материалами этого многослойного памятника. Сочетание черняховской и «лебяжинской» (колочинской) керамики в одних и тех же сооружениях на данном поселении (жилищах, печи), прослеженное впервые Липкингом, позволило ему сделать вывод, «что черняховцы не только дожили в Курском Посеймье до прихода в VI в. славянских племён из Среднего Поднепровья, но и после того проживали совместно с пришельцами, возможно, попав под власть пришельцев и, видимо, постепенно слились с ними»¹⁹. Подобная степень автохтонизма при рассмотрении судеб славянства в данном регионе не разделяется большинством специалистов. Тем не менее последующие раскопки экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.М. Горюновой принесли некоторые подтверждения липкинговскому тезису (в частности, и ею в суджанском Замостье прослежено «нарушение типичного наземного черняховского жилища колочинской полуземлянкой с угловым столбом»²⁰).

Подытоживая собственно археологическую часть липкинговского наследия, приходится признать, что он не принадлежал к числу аккуратных, настойчивых раскопщиков и камеральщиков. По сути дела, одни образцовые

¹⁷ См.: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1990; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. М., 1993; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996; Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; др.

¹⁸ Липкинг Ю.А. Замошанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М., 1979.

¹⁹ Липкинг Ю.А. Что вы нашли? [Черновик газетной статьи] // Архив КГОМА. Документ не имеет шифров хранения.

²⁰ Горюнова В.М. Разведочные работы в верховьях Псла // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 53.

раскопки — что ни говори, маловато на четверть века полевой практики с полным правом на открытый лист любой формы. Однако, как подметили французы, наши недостатки — продолжение наших же достоинств. Подлинной стихией, любимым занятием этого человека стали *разведки археологических объектов* с выборочной их шурфовкой. Здесь он достиг гораздо больших успехов, проявлял удивительное упорство и редкую интуицию. Выйдя на тот или другой приречный мыс, в иное урочище, Липкинг придирчиво осматривался, прохаживался — вживался, так сказать, в местность, чтобы затем, ещё до детальной проверки, вынести вердикт — жили здесь предки или нет. Ошибался редко. Благодаря своим многолетним походам (пешком, на велосипеде, попутных автомашинах) по большинству районов Курской области Липкингу удалось значительно уточнить и пополнить перечень археологических памятников этого края. После долгого перерыва он переиздал археологическую карту области, которая сослужила добрую службу археологам следующих поколений. Соответствующая картотека памятников археологии в департаменте культуры областной администрации, свод древнерусских городищ А.В. Кузы, археологическая карта Курской области А.В. Кашкина и прочие археологические каталоги по Днепровскому Левобережью многим обязаны полевым наблюдениям Юрия Александровича ²¹.

По-преимуществу с материалами разведок связана та печатная работа, которую он сам выделял в коротком списке своих археологических статей: «Городища Курского Посеймья». Статья эта невелика по объёму — всего 7 страниц да «Схема распространения» соответствующих объектов. Однако перед нами текст, чрезвычайно насыщенный информацией, в значительной степени новой для археологической науки своего периода.

В основу липкинговского поиска лёг «Указатель городищ, курганов и древних валов», составленный сто с лишним лет назад в Губернском статистическом комитете по инициативе и анкете профессора Д.Я. Самоквасова. Последний, развернув по всей Европейской России заочный опрос местных жителей о сохранившихся земляных насыпях ²², настаивал на систематической проверке занесённых в подобный каталог сведений «трудом опытного археолога» ²³. Для Курской земли отмечено несколько попыток выполнить этот совет профессора. Но все они носили локальный характер. Как уже отмечалось мной выше, в предыдущей главе, В.Е. Данилевич в 1907 году обследовал Курский уезд, К.П. Сосновский в 1909 — верховья Псла, А.П. Александров в 1911 — большую часть

²¹ См.: Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996; Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998.

²² См. подробнее: Щавелёв С.П. Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (Анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // Российская археология. 1992. № 1.

²³ Самоквасов Д.Я. Археологические карты В.Б. Антоновича. Киев, 1906. С. 6.

курского побережья Сейма. На исходе 1910-х гг. Л.Н. Соловьёв сплошняком рассмотрел памятники ближайших окрестностей самого губернского центра; А. Преображенский — выборочно Дмитриевского уезда. Забегая вперёд, отметим, что немало новых объектов выявили до и после Великой Отечественной войны экспедиции М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, разведки И.И. Ляпушкина (особенно масштабные), А.Е. Алиховой, Т.Н. Никольской, Б.А. Шрамко.

Ю.А. Липкинг учёл почти все полученные до него разведочные данные и в 1950 – 1970-е годы провёл наиболее широкие и результативные поиски поселений и могильников древних народов на Курской земле. Вышеупомянутая его статья содержит сведения о 100 с лишним городищах. Это почти вдвое больше, чем в дореволюционном их указателе. Практически все они лично обследованы Липкингом, десятка два открыты им самостоятельно или по указаниям районных краеведов. Разведчик классифицировал все зафиксированные памятники по количеству культурных слоёв основных археологических периодов (раннего железного века; роменской; древнерусской), дав специальное описание укрепленных поселений эпохи раннего железа.

«Все городища Курской области, — установил он, — расположены к западу от линии Поньри — Курск — Обоянь. В восточной части области ни одного городища нет. Очевидно, здесь в эпоху раннего железа (как и в раннеславянское время) не было постоянного оседлого населения, несмотря на то, что именно восток области отличается особо плодородным чернозёмом. Причину, вероятно, следует видеть главным образом в том, что он был ближе к степи, занятой воинственными кочевниками»²⁴. Подмеченная Липкингом демографическая тенденция сегодня нуждается, исходя из новых данных, в некоторых коррективах (роменские материалы обнаружены, как будто, и на восточной окраине области; на плотность населения могли повлиять также физико-географические факторы, вроде среднегодового распределения осадков, качество почв). Спорно, пожалуй, и его наблюдение за «гнездованием» курских городищ по 3–4–5 и более уже с раннежелезного века²⁵.

²⁴ Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железа в Курском Посеймье // Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962. С. 134.

Один среди прочих образчиков излишней категоричности при формулировке Ю.А. Липкингом своих интересных предположений см.: Хроленко А.Т. «Калиновый мост» // Фольклорная лексикография. Вып. 6. Курск. 1996.

²⁵ См.: Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Учёные записки Курского государственного педагогического института. Вып. 60. Курск, 1969; Липкинг Ю.О. Про призначення роменських городищ // Матеріали Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1968.

Ср. упоминаемые выше и ниже работы А.А. Узянова и А.В. Кашкина по курским городищам; а также: Федина А.А. К вопросу о влиянии физико-географических факторов на расселение славян Посеймья в VIII–XIII веков // Материалы международной научно-практической конференции: «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 1998.

Статья о городищах Посеймья — добротный проспект, почти готовый автореферат кандидатской или даже докторской диссертации по археологии. Стоило раскопать, хотя бы частично, ещё несколько памятников данного класса (что сделали вскоре товарищи Юрия Александровича из московского Института археологии), совместить полученные авторскими раскопками данные с соответствующими коллекциями курского и столичных музеев, отчётами предыдущих экспедиций. Но монография на заявленную Липкингом тему осталась им не написана, всеми ожидаемая от него диссертация — незащищённой. На вопросы коллег по этому поводу Ю.А. полушутливо отвечал: «Вы что, хотите заставить меня сдавать кандидатский минимум по марксизму? За что такое наказание?»

Правда, по нынешним методическим меркам разведывательная деятельность Ю.А. Липкинга выглядит более скромно по своему качеству. Чаще всего он ограничивался достаточно приблизительным установлением местонахождений памятника и выявлением основных культурных напластований в нём. С точной привязкой объекта к карте местности, фотографированием, рисованием, а тем более с нивелировочными планами ландшафта, фиксацией находок дела у него обстояли гораздо хуже. Уникальные для одного человека широта и энергичность археологического поиска оборачивались поверхностностью описания найденного. Злые археологические языки в Москве и Ленинграде говаривали: «Ю.А. копает всё подряд — от палеолита до НЭПа». С другой стороны, в условиях всё растущего темпа естественного, природными стихиями, и сознательного, человеческими усилиями осуществляемого разрушения многих памятников далёкой старины любая их каталогизация имела важное и долговременное значение. От той же Замощанской дюны, например, или от Коробкинского городища (Первольгова — летописного Ольгова?) остались рожки да ножки — их «доели» песчаные карьеры. Без липкинговского энтузиазма, наивного только на пошловатый взгляд, наука и культура края потеряли бы безвозвратно массу ценнейших сведений. Он, действительно, был скорее краеведом, нежели учёным.

В то время как его «положительные» коллеги-педагоги «делали карьеру», выслуживая у начальства новые должности, квартиры, машины, путёвки на престижные курорты, пристраивали на хлебные места детей и внуков, этот беспартийный чудак — вечный «старший преподаватель» каждое лето покидал свой скромный домик на Ахтырской окраине тогдашнего Курска, над тихой речкой Тускарью, и колесил по бездорожью курских районов в поисках всё новых и новых городищ и курганов. Вся его переписка (частично поступившая в архив Курского музея археологии) об этом: находки, планы экспедиций и книг, сетования на нехватку времени для реализации археологических и литературных задумок. Оказывается, достоинство личности, верность мечте возможно было сохранить даже под эгидой парткома. Правда, ценой «карьеры».

Кроме накопления сугубо эмпирической информации по курской археологии, Липкинг генерировал несколько довольно сильных идей-интерпретаций древнейших веков истории этого края. Своеобразная «жемчужина» среди его попыток археолого-исторического синтеза — *новая локализация летописного города Римова* (который первоначально упоминается под 1096 году в «Поучении» Владимира Мономаха ²⁶). Этот город погиб «под саблями половецкими», как говорится в «Слове о полку Игореве» и подтверждается Ипатьевской летописью, после неудачного похода некоторых русских князей в 1185 году против степняков. Перечень из нескольких догадок относительно того, где именно располагался Римов ²⁷, Липкинг дополнил гипотезой, связавшей данный топоним с комплексом археологических памятников у села Гочева Обоянского уезда (ныне Беловского района), о котором уже не раз говорилось мной ²⁸. Своё предположение он разносторонне аргументировал — данными археологии (следы кольцевой осады гочевских укреплений, защитники которых полегли за стенами и возле них), истории (старинные пути кочевых набегов на Русь пролегли именно через Курское Посеймье — по удобным для конницы водораздельным грядам), топонимики («Римов лог» или «Римок», «Римово болото» вблизи гочевских городищ «Крутой курган» и «Царёв дворец»).

Кроме липкинговской, предлагались, разумеется, и другие локализации данного летописного топонима ²⁹. В итоге вопрос о месте расположения летописного города Римова остаётся, пожалуй, открытым, а гипотеза Ю.А. Липкинга по этому поводу не самой, на мой взгляд, убедительной ³⁰. «Гидронимический ларчик» может открываться тут проще простого: «римзать» на южнорусском диалекте — один из синонимов быстрого течения воды... Отсюда, не исключено, и все «римские» топонимы Гочева.

Главная работа Ю.А. Липкинга-краеведа выходила в свет дважды. Сначала в 1966 году под неточным названием «О чём рассказывают курганы» (Кроме насыпных могил, автор описывает все остальные типы

²⁶ См.: Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 468, 541; *Щавелёв С.П.* Курское Посеймье в «Поучении» Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Воронеж, 1997. С. 81.

²⁷ Обзор большинства вариантов локализации этого города см.: *Прохоров Г.М.* Римов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 216–217.

²⁸ См.: *Александров Ю.А.* Поиски древнего Рима // Знание – сила. 1968. № 8; *Александров-Липкинг Ю.А.* Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 87–90.

²⁹ См.: *Моргунов Ю.Ю.* К изучению летописного города Римова // Советская археология. 1989. № 1; *Его же.* Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996. С. 114.

³⁰ См.: *Щавелёв С.П.* Летописный город Римов: на верхнем Псле или на нижней Суле он располагался? // Словознавство. «Слово о полку Игоревім» та його епоха. Вип. I. Київ–Суми–Путивль, 2000. С. 135–140; *Его же.* «Град Римов» в «Посеймье» (два этюда к летописной географии Курского края) // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь 5. К 100-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга (1904–1983). Ч. 1. Курск, 2004. С. 3–7; 61–73.

археологических памятников, уместившихся на Курской земле; к тому же название это заимствовано у одной из краеведческих брошюр 1920-х годов). В 1971 году в значительно переработанном и дополненном виде то же Центрально-Чернозёмное книжное издательство выпустило в свет книгу под удачным, по всей видимости, заголовком: *«Далёкое прошлое соловьиного края»*. Оба издания, особенно последнее, приближаются, на мой вкус, к эталону научно-популярной литературы. Автор, в отличие от большинства своих «товарищей краеведов» (собственное липкингское определение), не ограничивается компилятивной сводкой литературных данных по истории и археологии «своей» области. Практически по каждому основному периоду регионального прошлого в Древности и в Средние века приводятся сведения, собранные им самим в разведках и на раскопках, высказываются оригинальные гипотезы и догадки. Взять хотя бы остроумные и по-своему аргументированные предположения Юрия Александровича о местонахождении таких летописных реалий, каковы города Ольгов, Римов и Липовическ, Ахматовы слободы под Курском; о курских прототипах былинных героев Ильи Муромца и Соловья-разбойника; прочие версии регионального прошлого. Вообще, эти книжки Липкинга весьма основательно информирует любого заинтересованного местными древностями читателя, как профессионального учёного, так и любителя истории. Фактичность сочетается в этом тексте с лёгкостью, занимательностью изложения.

К сожалению, ходатайство Курского пединститута о переиздании *«Далёкого прошлого...»* — «как единственного на сегодняшний день пособия для краеведов и для учителей Курской области, а также студентов-историков»³¹ — было отклонено воронежским книгоиздательством всего ЦЧО, несмотря на надвигавшийся тогда 950-летний юбилей Курска.

А сегодня, почти полвека спустя, с липкингскими популярными книжками об археологии Курского края сложилось парадоксальная читательская ситуация. Их бесспорные литературные, методические достоинства остались при них, но со временем эти достоинства стали вроде бы заслонять тот факт, что по содержанию ряд моментов изложения там за прошедшие десятилетия вполне естественно устарел. Прделаны новые масштабные разведки и раскопки на эталонных курских памятниках, опубликованы концептуальные исследования соответствующих материалов. Но учителя, вузовские преподаватели, школьники и студенты, журналисты и чиновники от культуры, просто любознательные читатели других категорий продолжают штудировать древнюю историю Курского Посеймья почти исключительно по Липкингу — новые научно-популярные статьи, а тем более книги по этой тематике выходят крайне редко, причём увлекательным стилем они в своём большинстве не блещут. В беседах со мной курские журналисты и издательские работники несколько раз выражали намерение

³¹ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Д. 20. Л. 12.

просто переиздать липкинговское «Далёкое прошлое...» полностью или частично, причём без всяких комментариев и предисловий.

Между тем, кроме бесспорных достоинств, научных и литературных, работа Ю.А. Липкинга об отдалённом прошлом Курской земли, как и подготовлявшие её близкие по тематике публикации в краеведческих альманахах ³², отмечены рядом весьма типичных для него как полевика и беллетриста недостатков. Virtuоз кольцевых маршрутов, мастер панорамных обзоров допускал удивительные небрежности, неточности в деталях, терпел в принципе нетерпимые допуски в подаче информации. Скажем, у него сплошь и рядом не доходили руки установить или проверить по справочникам инициалы многих прежних исследователей, и он приводит их фамилии без инициалов. Годы жизни тех же персонажей меряются им той или другой половиной соответствующего века, ни больше, ни меньше. Допустим, по Липкингу, «во второй половине прошлого века Самоквасов составил специальную инструкцию для учёта археологических памятников». На самом деле в 1872 году. Или такой пассаж: «В конце прошлого века усердно изучал археологические памятники ... А.И. Дмитриюков. Результаты его работ неоднократно публиковались, начиная с 60-х гг. прошлого века» ³³. В действительности, Дмитриюков умер в 1868 году, его археологические работы велись и печатались с 1820-х годов.

Ещё хуже, что без надёжных привязок остались некоторые полевые наблюдения и открытия Ю.А. Так, немало сил и времени оказалось потрачено его преемниками из Курского музея археологии (и пока без видимых успехов) на повторные розыски фундаментов домонгольской церкви (?) на Ратском городище Курского района. Их много лет наблюдал этот археолог, приносил оттуда рюкзаки плинфы в краеведческий музей, но нанести столь редкий объект на карту не удосужился. А где находится та карта Обоянского уезда, на которой он же увидел «Римов лог» в районе Гочевских городищ — предположительно летописного Римова? И прочая, и прочая в том же небрежном стиле.

Вряд ли случайно современные горе-краеведы, малограмотные журналисты, невежественные педагоги — авторы массы явно фантастических заметок на археолого-исторические темы, опубликованных за последние десятилетия в курских газетах и альманахах, очень часто опираются, ссылаются на книжку Ю.А. Липкинга о прошлом соловьиного края. Там, где у этого автора встречается смелая гипотеза, эти его самозванные

³² См.: *Липкинг Ю.А.* Очерки древнейшего прошлого Курской области // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963; *Его же.* Первые сведения из истории нашего края. Наш край в период средневековья (до XIV в.) // Уроки по истории Курского края в школе. Курск, 1972; *Самсонов В.И., Липкинг Ю.А.* Курск — древний русский город // Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975.

³³ *Александров-Липкинг Ю.А.* Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 8–9.

последователи сплошь и рядом заявляют уже ни с чем не сообразное допущение. Винить ли в такой вульгаризации автора исходной идеи?

Согласно проницательной оценке А.В. Кашкина, «романтика полевых исследований и тяга к литературному творчеству превзошли в деятельности Ю.А. Липкинга строгое научное начало»³⁴. Слишком многое из того, что узнал и сделал Липкинг-археолог, осталось неопубликованным, а кое-что не нашло отражения даже в его архивном наследии. Многие ценные находки утрачены ещё при его жизни, а также после его ухода.

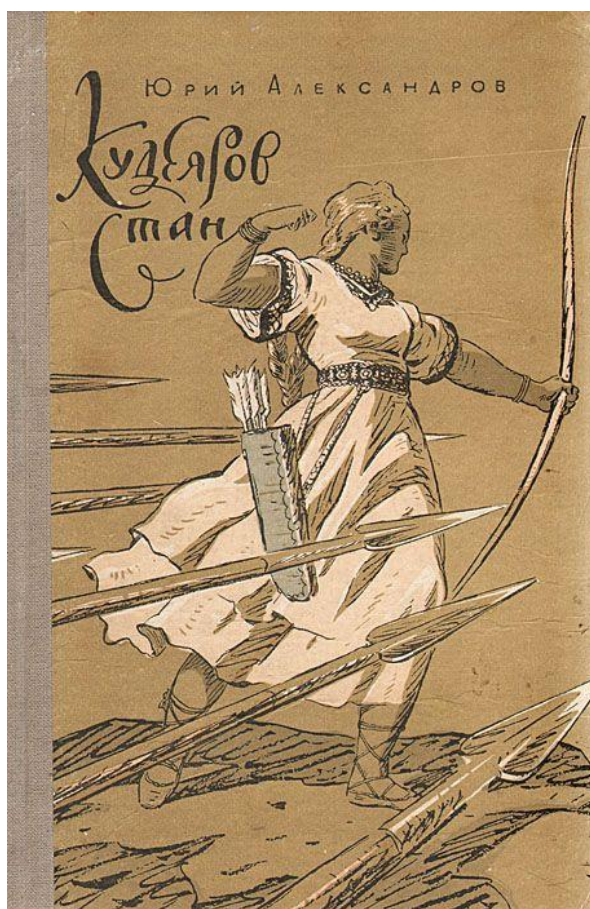
Ю.А. Липкинг, тепло и толково писавший об «истории самой истории», о многих первооткрывателях древностей Курской земли, тем не менее охотно отдал дань явному принижению дореволюционного периода в историко-краеведческом движении по сравнению с приукрашенным им же советским. Якобы «до революции в наших краях ... были отдельные энтузиасты-одиночки, часто не имевшие ни сил, ни средств для проведения серьёзных исследований. К тому же у дореволюционных исследователей-краеведов не было, как правило, необходимых знаний и специальной подготовки»³⁵.

Полно, так ли? Немало и с большой отдачей потрудившиеся на археологической и архивной нивах Курска А.И. Дмитриюков, Л.Н. Позняков, Л.Н. Соловьёв до революции окончили Харьковский университет; Д.Я. Самоквасов — Петербургский; А.А. Танков и Н.И. Златоверховников — Московский; В.И. Самсонов — Новороссийский; П.С. Рыков — Московский Археологический институт; К.П. Сосновский — петербургский Технологический институт. До революции курскими древностями специально занимались Губстаткомитет, Учёная архивная комиссия, Церковно-археологическое общество, с которыми ежегодно взаимодействовал добрый десяток историко-археологических учреждений и организаций Москвы и Петербурга. Да ещё «одиночки». Насчёт их знаний и умений тоже как сказать. Прежние гимназия да университет готовили специалистов-гуманитариев уж никак не хуже, чем областной пединститут, где Липкинг после суворовского училища преподавал. А после 1917 года? Как репрессировали краеведов с дореволюционным стажем, вот тогда областные памятники археологии изучались главным образом приезжими из столичных центров учёными. И осевшим в Курске Липкингом, который сам может служить блестящим примером энтузиаста-одиночки в краеведческих поисках. Именно подобная монополия одного-единственного, пусть и талантливого специалиста на историко-археологическую экспертизу в рамках целого субъекта федеративного государства поощряет те недостатки и упущения в охране и экспертизе исторических памятников, о которых сегодня приходится с сожалением вспоминать, наблюдать их печальные

³⁴ Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998. С. 17–18.

³⁵ Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 7.

последствия (погибшие без своевременного надзора памятники, дезориентированные по каким-то сюжетам читатели).

Обложка первого издания лучшей повести Ю.А. Липкинга.

Не чистая наука и не литература как таковые, а их сочетание в разных дозах — вот где Ю.А. Липкинг нашёл своё истинное призвание. Всерьёз печататься он начал повестью на историко-археологическом материале «Кудряев стан» (М., «Молодая гвардия», 1957 («Библиотека приключений»); переиздание: Воронеж, Центрально-Чернозёмное издательство, 1965). В 1966 году в Воронеже вышел его роман «Сварожье племя». Согласно авторской аннотации, это «самостоятельное произведение, эпохой и главными героями связанное с “Кудряевым станом” [Первоначальное, рабочее название второй части липкинговской беллетристической трилогии — “Заряна и Горша” — С.Щ.]. Место действия — и русская лесостепь, и Крым, и Тамань, и Нижнее Поволжье. В романе уделено внимание таким важнейшим вопросам ранней истории славян, как вопрос о русах, о варягах, о Тьмутаракани, о роли Хазарского каганата. Описаны быт славян и их соседей, походы и бои, торговля, поселения, обычаи и верования»³⁶.

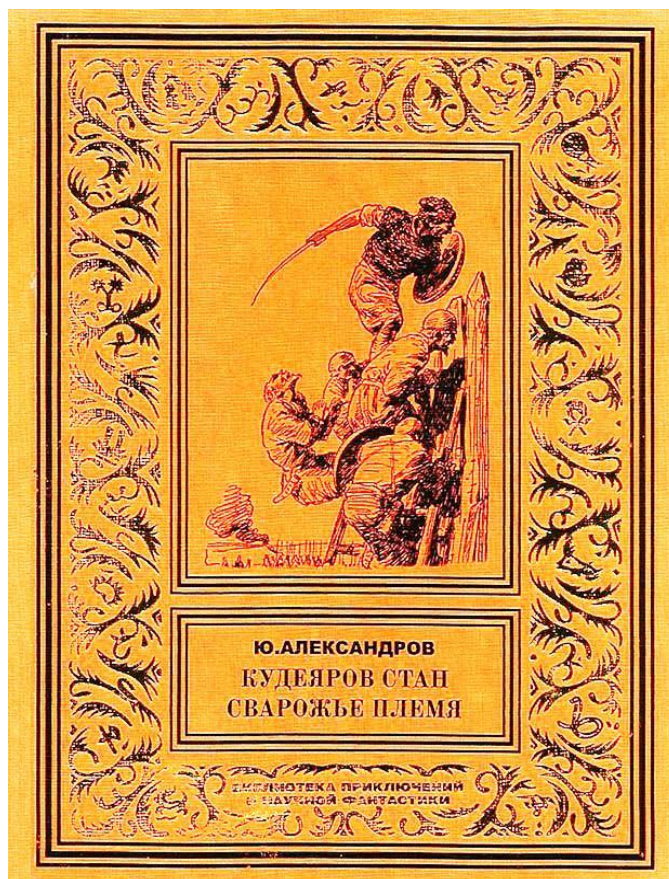
³⁶ Липкинг Ю.А. Проспект повести «Заряна и Горша» // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 1. Д. 22. Л. 13.

После свыше чем десятилетней работы писатель завершил замыкающий трилогию роман — «В горниле». Эпиграфом этого произведения послужила пушкинская строфа: «Окрепла Русь. Так тяжкий млат / Дробя стекло, куёт булат». Рукопись вместе с одобрительной рецензией академика Б.А. Рыбакова поступила опять-таки в Воронежское издательство, призванное тогда публиковать плоды творчества писателей всего Черноземья. Однако тамошние редакторы посчитали, что Липкинг уже исчерпал свой печатный лимит. Рукопись «В горниле» нашему автору вернули с разгромной внутренней рецензией. Свой приют авторизированные машинописные экземпляры этого романа нашли в Курском областном архиве, где их время от времени почитывают любознательные студенты. Один из них, ставший сотрудником курского музея археологии, Александр Васильевич Зорин подготовил всю беллетристическую трилогию Липкинга к переизданию, прокомментировал и выпустил в свет по издательской программе областного комитета культуры. Тиражи в этой программе были мизерными, но для нескольких библиотек и школ Курска их хватило. Между тем, если бы издавать эти замечательные произведения для книжной торговли и допечатывать по мере продажи, то, я уверен, можно было бы зарабатывать деньги для бюджета, а не только их тратить.

Вся повествовательная трилогия Ю.А. Липкинга о славянах-роменцах IX века и становлении Киевской державы — явление в советской литературе весьма примечательное. Эти повесть и два романа по сути дела впервые в художественной форме поднимали такой временной и событийный пласт. Их автор удачно сочетал вполне профессиональное на то время владение фактическим материалом о «затерявшихся в лесах и в веках северянских городищах» с литературной выразительностью описаний и диалогов, динамичностью приключенческого, даже авантюрного сюжета. Такие книги и сегодня, и завтра найдут множество заинтересованных и благодарных читателей.

На наш взгляд, лучше всего, почти безупречно для своего времени (ещё к 1954 году) выписалась у автора первая часть цикла — «Кудеяров стан». Тогда ещё довольно оригинальный двухплановый показ — нынешних будней археологов, их добровольных помощников-селян, с одной стороны, и давней жизни на изучаемых ими городищах, с другой, — выдержан весьма искусно на сравнительно небольшом пространстве текста (около 10 печатных листов). Выпущенная первоначально в знаменитой и вожделенной всеми книголюбамии СССР серии «Библиотека научной фантастики и приключений», повесть «о Заряне, о её тревожном детстве, о полной волнений и опасностей юности», на удивление достоверна, познавательна, особенно для юного читателя. Скупой на похвалы, признанный авторитет в славяно-русской археологии член-корреспондент АН СССР А.В. Арциховский в письме Ю.А. Липкингу писал: «Вашу книгу я читал с приятным чувством и прочёл, не отрываясь. У Вас оригинальный и хороший литературный талант. Археологические материалы Вы использовали

безукоризненно. Никаких ошибок и даже неточностей я не нашёл. ... Все довольно многочисленные попытки советских писателей так или иначе использовать археологию я считал до сих пор неудачными, если не хуже. Вам первому удалось» преодолеть активную «антипатию к художественно-археологической литературе»³⁷ у автора этого письма-рецензии.

Современное переиздание, по сути пиратское, так как не согласовывалось с наследниками авторских прав.

Переиздавая свою первую повесть десять лет спустя, автор немного перекомпоновал текст, изменив его разбивку на главы и часть их названий. Сильные стороны книги от перемен этих слагаемых не пострадали. Отмеченные выше достоинства, думается, при ней и сейчас.

Жаль, что автор не воспользовался удобным случаем (наступлением хрущёвской «оттепели» в политике и идеологии) и не убрал из второго издания две-три содержательные шероховатости, застрявшие на отдельных страницах повести со времён приснопамятной кампании борьбы с космополитизмом. Например, как хвалил липкинговский профессор-археолог подозрительность своих спутников — сельских школьников, принявших его поначалу за иностранного шпиона-диверсанта, в 1954 году, так и в 1965 хвалит: «Молодцы!.. Хоть и ошиблись на этот раз, а действовали правильно, по-настоящему. Так и нужно. Время такое. Ходит ещё по нашей

³⁷ Арциховский А.В. — Липкингу Ю.А. 1. 03. 1958 // Там же. Св. 4. Д. 20. Л. 2.

земле нечисть вражья. Засылают»³⁸, надо полагать, даже в отдалённую курскую деревеньку (Главным археологическим прототипом «городища над тихой Тусорью» у Липкинга служил, должно быть, мыс Тарелочка на реке Тускари, что в селе Переверзеве Курского района, где позднее действительно велись стационарные раскопки³⁹ — новостроечной экспедицией института археологии при проектировании курского водохранилища).

«Сварожье племя» — роман уже одноплановый в том смысле, что целиком живописует дальнейшие судьбы знакомых читателю героев «Кудеярова стана» — типичного северянского укрепления, порубежного с кочевническим Полем. Авторская фантазия «носит Горшу по свету, кидает с моря на море, из страны в страну ... Видел кузнец Гнилое море — Сиваш, видал море Русское [Чёрное — С.Щ.], довелось и хазарским морем поплавать — Каспием»⁴⁰. Заряна, уже не пленительная девочка, а обольстительная женщина, терпеливо, как Пенелопа, поджидает на берегах Сейма своего суженого. Экзотической приметой хрущёвского начала 1960-х годов выступает среди чернозёмных «сварожичей «чёрный рус», негр Улуга, коего непутёвая доля пленного раба, затем лихого беглеца занесла на славянскую землю и тут упокоила. Идеологическая «оттепель» во время написания «Сварожьего племени» заметна и по другому герою романа — итильскому иудею Баруху, правой руке хазарского правителя Итвер-хана — «ни у кого нет друга-советника, кто опытом, мудростью и преданностью равен был бы Баруху». Кстати сказать, еврейский элемент в древней Руси, её истории и культуре мог у нас стать предметом специального рассмотрения совсем недавно⁴¹, лет 30–40 спустя после того, как писатель показал его в художественно домысленных лицах и ситуациях. Липкиных да Рабиновичей при Хрущёве стали выпускать из СССР на землю обетованную в добровольную эмиграцию. Вот тогда и в X веке у Липкинга смог появиться премудрый Барух...

В целом повествование Ю.А. Липкинга о славянах племени Сварога на излёте язычества, многих их соседях — соперниках и союзниках достаточно

³⁸ Александров Ю. Кудеяров стан. Повесть. Воронеж, 1965. С. 52.

³⁹ См.: Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

⁴⁰ Александров Ю. Сварожье племя. Роман. Воронеж, 1966. С. 163.

Рецензии на литературную дилогию Ю.А. Липкинга помещались только в курской областной периодике: Москаленко А. Научно и увлекательно // Курская правда. 1958. 12 апреля; Лейбельман М.Я. Увлечённый человек // Там же. 1964. 15 марта; Ростовский С. Три книги курского писателя // Там же. 1966. 11 мая; Голле Г. Поэтическая повесть // Молодая гвардия. 1966. 28 апреля; Фёдоров Г. Племя отважных // Курская правда. 1967. 30 апреля.

⁴¹ См.: Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало Нового времени. М., 1993; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М. – Иерусалим, 1997; Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 1999; следующие тома этой фундаментальной иудаики на древнерусском материале.

крепко сбито сюжетно, весьма поучительно и увлекательно для любого читателя, интересующегося историей, тем более краевой. Хотя с точки зрения достоверности историко-археологических реалий, отображаемых в романе, автор не раз дает повод поспорить читателю придиричливому. Чего стоит хотя бы наименование населённых северянами «градов» городищами уже в ту, докиевскую пору, когда они ещё отнюдь не запустели; переименование варяга-дружинника Аскольда (Хаскульда), захватившего, по летописи, власть в Киеве, в славянского князя Оскола; тому подобные симптоматические мелочи.

Самое объёмистое, в 20 печатных листов произведение писателя — «В горниле»⁴² — уже не более чем исторический по фактуре боевик, своего рода археологический вестерн с массой мелодраматических страстей, таинственных моментов, непостижимых сюжетных ходов. Это, по сути, не новый роман, а ещё 38 глав, по содержанию ничем существенным не отличающихся от 45 глав «Сварожьего племени». Те же «беглецы», «погоны», «изгнания», «нашествия», «испытания», «засады», «незадачи» и так далее, и тому подобное. «Последнее волхование» (так называется заключительная часть всей трилогии) романиста не дало, на мой, может быть пристрастный, взгляд, качественного прироста художественного материала.

«Чёрный» рецензент из Воронежа имел известное основание упрекать нашего автора в «накручивании этакого романтического сюжета с хазарской красавицей, темницей, погонями, с сечами и кровавыми побоищами»⁴³. Однако окончательный совет сурового критика — или «отправить рукопись на литературную свалку», или выправить её «по всем фронтам: идейным, изобразительным, композиционным и, конечно, стилистическим» — представляется мне ошибочным. В своём развлекательно-познавательном жанре и последний липкинговский роман ничем не уступает полузабытым одно время, но сейчас все активнее переиздаваемым историческим повествованиям Н.Э. Гейнце, К. Маковского, Д.Л. Мордовцева, Всева С. Соловьёва, графа Е.А. Салиаса, Г.Т. Полилова-Северцова, Ант. Ладинского и прочих старых добрых русских авторов всего этого, пусть не первого в литературе круга. И уж тем более «В горниле» не в пример добротнее тех свежеиспечённых околоисторических опусов, что ходко идут сейчас к неразборчивым читателям с коммерческих книжных лотков (вроде вполне макулатурных «Меча Вайу», «Капища Сварога», «Улеба — Твёрдой Руки», «Божедара — сына Ильи Муромца» и иже с ними). Что уж говорить про совершенно фантастические, ультраантинаучные книжонки плоского сатирика Задорнова, математического академика Фоменко и оппозиционного литератора Чхартишвили-Акунина, многие тому подобные

⁴² Липкин (Александров) Ю.А. В горниле (продолжение романа «Сварожье племия»). Кн. 1. Ч. 1–5 // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 3. Д. 13. 247 с.; Кн. 2. Ч. 6–9 // Там же. Д. 14. 198 с. (всего 446 стр. машинописи).

⁴³ Луконин С. Рецензия на рукопись Ю.А. Липкина «В горниле». 14. 10. 1980 // Там же. Св. 4. Д. 20. Л. 31.

версии отечественной истории. Некоторые из них даже получают в последние годы финансовую поддержку министерства культуры, хотя на самом деле не объясняют, а дискредитируют историю.

Более того, художественная проза курского археолога вполне соответствует, на мой вкус, тому жанру, который сегодня именуется фэнтези и пользуется огромным покупательским, читательским спросом во всём мире, включая Россию (и это при массовом отходе молодёжи от книги к компьютеру). Я бы назвал этот жанр гуманитарной фантастикой (в отличие от «сайенс фикшн» — естественнонаучной, астрономической фантастики в духе С. Лема или Р. Бредбери). Причём липкинговская трилогия о героях и врагах «сварожьего племени» — незамеченный первыми историками жанра образец именно славянской фэнтези, где «между историей и сказкой» воскресают наши вроде бы предки (В ироничных красках новоявленного классика жанра — польского писателя Анджея Сапковского дело выглядит примерно так, как полвека назад у Липкинга: «Войны и пожары, кили норманских дракаров скрипят по песку славянских пляжей, ... берсеркеры скалят зубы, немцы прут на крепость, наш верх, льётся кровь. Сварожец сварожит...»⁴⁴). Да что там наш друг пан Сапковский — сам Джордж Мартин с его огненно-ледяной сагой на бумаге и на экране не слишком уж далеко ушёл от археологических приключений героев Липкинга. Воистину нет пророка в своём отечестве...

Вместе с пухлыми томами завершённых рукописей в липкинговском архиве сохранился весьма примечательный лист. На нём изложен *план задуманной писателем книги археологических рассказов — «Костры Кудеярова стана»*. В этом перечне из двух десятков сюжетов — и любопытные случаи на раскопках («как археологов хотели обокрасть»; «как спасали мамонта, и как мамонт спасал нас»; тому подобные эпизоды экспедиционного быта); и чем-то особо примечательные находки древностей («неземное железо»; «два черепа — Ахматова слобода»; «нож в отвале — святилище Кузиной горы» и т.д.); и яркие эпизоды истории полевой археологии («суджанские находки», «разиньковская находка», «находки в старом русле реки» и прочие в том же сенсационном духе); и просто курьёзы из раскопной практики автора («фальсификаторы ... закопчёные лепешки с фигурками ... подброс современных черепков — сразу опознали», «амфора с закваской под самогон»⁴⁵).

Некоторые из перечисленных сюжетов органично вошли в текст опубликованных Ю.А. Липкингом археологических очерков. Но в большинстве своём эти оригинальные замыслы и наброски канули в лету устного экспедиционного творчества; так и не выросли, к нашему глубочайшему сожалению, в главы книги, которая несомненно удалась бы

⁴⁴ Сапковский А. Вареник, или Нет золота в серых Горах // В его кн.: Нет золота в Серых Горах. Мир короля Артура. Критические статьи. Бестиарий. М., 2002. С. 228.

⁴⁵ Липкинг Ю.А. Костры Кудеярова стана (Книга рассказов. Материалы) // Там же. Св. 1. Д. 1. Л. 77–77 об.

автору, как никакая другая, настоятельно требовалась массовому читателю. Видимо, вполне понятная любому пишущему человеку усталость от редакционных капризов и отказов, груз ненапечатанных рукописей, бытовые коллизии заката жизни помешали писателю воплотить очередной литературный план. Как жаль, что его творческие силы ушли, в частности, на банальную беллетристику об идеализированных пионерах и школьниках и оказались недоиспользованы на самом выигрышном для него направлении — прозы историко-научной. Десятилетием-другим позднее Ю.А. Липкинга в этом самом жанре археологических популяризаций и беллетризов с большим успехом выступили В.Д. Берестов, А.З. Винников и А.Т. Синюк, А.Л. Никитин, А.П. Окладников, Г.Б. Фёдоров, М.Б. Щукин, Е.А. Шинаков, В.Л. Янин и другие русские археологи-профессионалы и одновременно писатели.

Ю.А. Липкин ищет следы летописного города Ольгова на Коробкинском городище, уничтожаемом песчаным карьером. 1970-е годы. Архив автора.

Трагическая гибель любимого внука вкупе с затяжной болезнью (перелом ноги) остановили разностороннюю, энергичную и ярко талантливую деятельность Юрия Александровича Липкина (1904–1983) на пороге девятого десятка лет его долгой и очень полезной людям жизни. Последние её месяцы он провёл, сидя в своём заваленном книгами и

рукописями кабинета, доставая ту или другую из них большой прогулочной тростью, милостиво беседуя с редкими посетителями его скромного домика над живописной долиной реки Тускари. Его уход не был замечен научной, педагогической общественностью ⁴⁶, но оставил болезненные рубцы в душах тех, кто хорошо его знал. Романтический настрой души этого человека, пытливый ум российского самородка пробились сквозь все чуждые его дарованию наслоения и железные колючки тяжёлых времён советской истории, когда он жил и работал, — к настоящему, долговечному результату в науке, просвещении и литературе.

* * *

*«Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чём сказать могли бы».*

*Н.С. Гумилёв.
Шуркестанские генералы.*

Выводы общего плана после рассмотрения персонального портрета одного из лучших советских краеведов послевоенной поры представляются следующими. Кабинетный и в особенности полевой опыт провинциального археолога Ю.А. Липкинга оказался незаменимым подспорьем представителям большой, академической науки. Успех экспедиции из столицы вглубь страны во многом определяется местной поддержкой, и чем она квалифицированней и доброжелательнее, тем эффективнее ведутся разведки и раскопки. А популяризация региональных памятников далёкой

⁴⁶ Только автор этих строк отметил сначала 90-летие, а потом и 100-летие своего учителя. Редко о ком из провинциальных краеведов публикует полноценные статьи в центральных академических журналах. Юрий Александрович Липкинг удостоился такой чести. См.: *Щавелёв С.П.* Разведчик туманного прошлого // Курская правда. 1995. 25 января. С. 4; *Его же.* Последний романтик краеведческой археологии (К 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // Российская археология. 1995. № 3. С. 213–219, фотопортрет; *Его же.* Последний романтик курской археологии // Городские известия. 1995. 31 октября. С. 4–5.

Особо хочу отметить сборник, составленный и подготовленный к печати мной при помощи сотрудников Курского музея археологии Ирины Черенковой и Александра Зорина. Он включает статьи и документы к биографии юбиляра, воспоминания о нём близко знавших его коллег — педагогов и музейщиков; фото- и литературные материалы из архива писателя. См.: Юрий Александрович Липкинг: курский археолог, писатель, педагог. Курск, 2003. 224 с., илл.

Наконец, памяти Ю.А. Липкинга был посвящён один из выпусков такого издания: Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных / Сост. и ред. А.Т. Хроленко, С.П. Щавелёв. Тетрадь 5. К 100-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга (1904–1983). Ч. 1–2. Курск, 2004.

старинны тем более лучше удаётся местному жителю и патриоту своего края. Духовная атмосфера окрест наполняет страницы книг писателя-краеведа энергией познания и понимания малой родины. Культурным идеалом развития краеведческого знания выступает триада: научный факт — популярный рассказ о нём — художественный образ, рождённый на основе первого и второго. Лучшие наши беллетристы на исторические темы получались из литературно одарённых учёных и журналистов. Если научно-историческое знание в значительной своей части и довольно скоро историографируется, по сути архивируется, то литературно-художественные версии истории, тем более региональной, в силу своих эстетических достоинств гораздо более долговечны в живом читательском восприятии и, значит, реальном продолжении культурного процесса в стране и её регионах. Так что археолог Липкинг помог писателю Липкингу, и в этом его главная заслуга.

* * *

*«... Когда разрыли поверхность, то под землёй нашли
Дворец, что умеют строить только одни короли.*

...

*Кладка была неумелой, но на каждом я камне читал:
"Следом за мной идёт строитель. Скажите ему — я знал".*

...

*Не презирал я, не славил; но, разобрав до конца,
Прочёл в низвергнутом зданье сердце его творца».*

*Дж.Р. Киплинг.
Дворец.*

Материалы подытоживаемой главы демонстрируют, схематично говоря, резкий перепад на условной кривой эволюции историко-краеведной мысли и практики в молодой советской стране. Если до революции 1917 года эта кривая то быстрее, то медленнее, с периодическими понижениями своего уровня, но в целом неуклонно шла вверх, то в советский период она сначала взметнулась ещё выше, но быстро упала почти до нуля, то есть уровня, пройденного российской провинцией лет двести назад. После идеологического и организационного подавления центральных и местных органов краеведческого движения в СССР, советская археология вплоть до послевоенных — 1940 – 1950-х годов концентрировалась главным образом в Москве, Ленинграде и Киеве, столицах прочих союзных республик, немногих других университетских центрах. Там остались почти все активные раскопщики; располагались музеи, научно-исследовательские институты, университеты и кафедры, где они служили и где сосредоточивалась львиная доля историко-археологической информации (коллекции находок, лаборатории их тонкого и сложного анализа, специальные библиотеки и

архивы). Аресты «врагов народа» в 1920 – 1930-х годах заметно проредили ряды столичных археологов. Провинциальных же знатоков древностей эти репрессии буквально выкосили или же в лучшем случае оттолкнули от археологии, рассеяли кого куда — их было меньше, они оказались слишком на виду в своих областных и районных городках.

Так, после разгрома на исходе 1920-х годов городских и районных кружков краеведов Центрального Черноземья никто из курян не получал открытого листа на производство археологических работ свыше тридцати лет, вплоть до 1960-х годов. И ещё добрые четверть века спустя, вплоть до середины 1980-х, единственным держателем открытого листа в Курской области оставался Ю.А. Липкинг. И это в тех условиях, когда памятники археологии стремительно исчезали с лица земли по ходу восстановления хозяйства и населённых пунктов после войны, которая сама немало покорёжила их своими фортификациями и бомбёжками. Однако же разведки и раскопки археологических памятников на курской земле вскоре после Отечественной войны возобновились, причём их число медленно, но верно росло — за счёт экспедиций из Москвы и Ленинграда, а затем Киева, Харькова, даже Минска. Именно усилиями столичных археологов старших поколений оказались выявлены и на современном уровне изучены основные эпохи и культуры древнейшей истории края. Причём в результате их работ некоторые курские памятники приобрели эталонное значение на всероссийском и международном уровнях археологического знания. Незаменимую поддержку этим раскопкам оказали Липкинг и ещё несколько энтузиастов из числа здешних педагогов.

К сожалению, деградация гуманитарного, в особенности исторического, образования в советских школах и пединститутах катастрофически понизила культурный уровень последующих поколений любителей старины. Уже непосредственный преемник Липкинга по преподаванию археологии в Курском пединституте *Константин Фёдорович Сокол* (1932–1993)⁴⁷ самостоятельных разведок и тем более раскопок вести не сумел, помогал, как мог, столичным специалистам, заезжавшим в Курскую область; руководил археологической практикой студентов-историков.

Ещё один энтузиаст археологических разведок — учитель из райцентра Волоконовки Белгородской области *Анатолий Григорьевич Николаенко* в 1970 – 1990-е годы вместе со своими учениками нашёл немало интересных памятников, особенно салтово-маяцкой культуры. Их доследовали специалисты по хазарской археологии, Николаенко даже получал открытые листы на дальнейшие поиски. Однако сочинённые им брошюры целиком фантастичны — о каких-то невообразимых «русах-тюрках» в Приоскольской

⁴⁷ См. о нём: *Курцев А.Н.* Остаться в душах людей (О К.Ф. Соколе) // В кн.: *Историки Курского края. Биографический словарь* / Сост. *С.П. Щавелёв.* Курск, 2009. С. 404–405.

лесостепи VI–VIII веках новой эры как «одной из основ русской нации, представленной позже донскими казаками»⁴⁸.

*Константин Фёдорович Сокол. Фото 1990 года.
Из издания Курского государственного музея археологии.*

Так что Юрий Александрович Липкинг оказался и в самом деле последним культурным любителем археологии в Курске. Энтузиасты раскопок из следующих, постсоветских поколений окажутся совсем другими, чего и следовало ожидать.

⁴⁸ Николаенко А.Г. Древности КМА (Разыскания краеведа). Волоконовка, 1997. С. 19; *Его же*. Оскол. Древность. Память (Заметки краеведа в истории России и Приоскольской лесостепи). Волоконовка, 1996; *Его же*. Волоконовка (АРСА) VI–XV вв. н. эры (к истории русоведения). Волоконовка, 2006 (Загадки русской истории).

См. обзор: Скурятин М.В. Популяризация археологического краеведения в Белгородской области за период с 1987 по 1990 годы (По материалам периодической печати Валуйского и Волоконовского районов). Белгород, 2016 // На сайте Nauchcor.ru